

Муниципальное образовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №33»

Городские чтения

Тема:
**«Нравственные проблемы,
поднятые в повести
М.А. Тарковского
«Стройка бани»»**

СЫКТЫВКАР, 2021

Михаил Александрович Тарковский – прозаик, поэт. Внук поэта Арсения Тарковского, племянник режиссера Андрея Тарковского.

Для нашего времени писатель нетипичный. Живет большую часть года не в столице, а в сибирском поселке Бахта в нескольких сотнях километров от Красноярска, работает не редактором, не журналистом, а охотником-арендатором. Печатается в полярных, по убеждению многих, чуть ли не исключая друг друга «Новом мире» и «Нашем современнике». В произведениях Тарковского почти не встретишь ни социальных мотивов, ни модной в последнее время экологии, ни также модной темы обретения Бога, даже непереносимая, кажется, и стержневая тема литературы любовь занимает у него совсем вроде бы не первое место.

Михаил Александрович Тарковский родился в Москве в 1958 году. После окончания пединститута им. Ленина (отделение географии, биологии) уехал в Красноярский край, где работал сначала полевым зоологом, потом позже охотником. Живет в поселке Бахта по сей день.

В 1986 году поступил на заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Прозу начал публиковать в журналах с 1995 года. Серьёзно заявил о себе в 1998 году с повестью «Стройка бани», напечатанной в журнале «Наш современник» и отмеченной премией журнала. В литературу прорвался этим произведением. Это сильнейшая вещь в сборнике.

В 2001 году выходит книга прозы «За пять лет до счастья».

В 2003 году стал финалистом литературной премии Ивана Петровича Белкина.

В 2003 году вышла книга «Замороженное время». Лауреат литературной премии «Ясная поляна» в номинации «XXI век» за эту повесть (2010).

В 2007 году в журнале «Октябрь» вышла первая часть повести «Тойота креста». В 2009 году вторая часть.

«Замороженное время» одна из немногих книг художественной прозы, вобравшей в себя, соединившей два мира – мир тайги и мир мегаполиса.

Проза его – рассказ о Сибири, ее особых законах.

За 20 лет опубликовано 3 тома прозы

Образцом М.А. Тарковский считает Бунина.

Крепко поддержал его в пору набора высоты Виктор Петрович Астафьев.

Итак, перед нами М. Тарковский. Охотник, но вот писатель ещё, лауреат «Нашего современника». Творческие планы - «Тойота креста» часть 3, «Распилыш». Распилышами называют распиленные машины, которые привозят из Японии, чтобы не платить грабительскую пошлину в 6 тысяч евро за кузов. Их привозят под документы от мертвой машины той же марки.

В повести «Стройка бани» отражена актуальная проблема современности - потеря связи между поколениями.

Отец, можно сказать, положил жизнь, чтобы сын остался в таежном поселке.

-Кусок дикой тайги он превратил в отлично оборудованный участок с избушками и лабазами, причем пробил долгосрочную аренду участка с правом передачи по наследству, хотя обсуждение этого условия попортило ему особенно много крови.

-Отгрохал новый дом на самом лучшем месте на Енисее, выдержав тяжбу с районным архитектором, который навязывал свой план застройки.

-Выгнал из тайги и отремонтировал брошенный экспедицией вездеход.

-Расчистил и расширил заброшенный покос.

-Сделал ещё тысячу малых и больших дел, которые имели смысл, если бы сын Серега остался здесь, завел семью, и они тогда бы вместе снова держали корову, и Иваныч бы

переписал на него свой участок, но Серега далеко, и вся жизнь Иванныча рассыпается. Сын уже много лет живет в городе, живет по-другому, ему скучно здесь.

Этот дом, новый, рубленый, шесть на десять, он успел закончить, когда ещё был в силе, а старая банька уже никак не смотрелась рядом с высоченным восьмистропильным кубом, и вот сейчас Иванныч взялся за стройку бани, лес для которой он заготовил уже давно. Чтобы не звать никого подымать баланы, Иванныч сделал журавль. Его больное сердце не позволяло выполнять работу, связанную с большими нагрузками, поэтому он за сруб взялся, не торопясь, это была первая настоящая работа после больницы. От её успеха зависела вся его жизнь, с таким скрипом прилаживающаяся к болезни.

Иванныч работу выполнял основательно, выработав определенный ритм работы, клал в день по венцу.

Поднималась баня всё выше, поднимался Иванныч, раздумывая о жизни.

Повесть также затрагивает проблему взаимоотношений отцов и детей.

Сын рос шалопаем, хотя быть охотником ему нравилось. Хуже всякой погоды отравляла Иваннычу мысль о Сереге. Зачем строю? Раи (жены) нет, Серега в городе.

Хотя Иванныч и говорил, что не знает, зачем строит, всё он прекрасно знал, и то, что дела надо доводить до конца, и то, что скорее умрет, чем позволит пропасть многовековому мужицкому опыту, и то, что ненавидит всякую временку, халтуру, лень.

Перед его глазами стоит осень в тайге, река с прозрачной голубоватой водой, которую хочется выпить.

Кому теперь передать эту изученную до каждого камня реку, избушки, выросшие на твоих мозолях?

Сын характером был в мать. Всё торопился начать дело и так же быстро сгорал, остывал. Любил спать. Всё делал бестолково. Любил тяжелые разовые работы, но не мог изо дня в день терпеливо тянуть одну и ту же лямку. И если для Иванныча главным было сделать так, чтобы не пришлось переделывать, то для Сережки главным было побыстрее освободиться.

Огорчало Иванныча то, что сын отдалялся от отца и его интересов. Шли насмарку долгие месяцы общей таежной жизни. Обычно охотники, придя из тайги, шли делиться пережитым друг к другу, а Серега шел к сыну продавщицы, интересы которого вращались вокруг видеокамер, пива, сигарет. В разговоре с этим Вовкой сын даже как-то снисходительно говорил об охоте, будто эта снежная, потная жизнь была не всепоглощающим потомственным делом, а лишь чудачеством.

Иванныч ждал с надеждой встречного участия сына в делах и постепенного переноса их тяжести на Серегины плечи, но этого не происходило. Серега всё продолжал считать отца начальником и организатором хозяйственной жизни. Но когда тот начинал попрекать его за какую-нибудь недоделку, Серега, выпучив свои глаза навывкате, кричал: «Я мужик! Ты чё, батя, меня попрекаешь!», и закатывал пьяные истерики, а потом спал до обеда, и всю ночь молотил магнитофон.

Жизнь, выбранная отцом, несмотря на все свои прекрасные стороны, казалась Сереге в несколько раз тяжелее, чем городская. Здесь, рядом с отцом надо было постоянно заботиться о поддержании существования. Человек как-то смертельно был привязан к природе и быту, ежегодно повторялась борьба со снегом, ветром, дождем за сено, которое съестся коровами, за дрова, которые сгорят, за лыжницы и дороги, на глазах заметаемые снегом, который весной растает.

Всё это так угнетало Серегу, что он тайком начал готовить себя к совсем другой жизни ... нормальной.

У него появились завязки в Красноярске, он ездил туда, наконец, уехал, сначала ненадолго, а вскоре совсем.

Дело отца, дело жизни, оказалось ненужным сыну – вот что было бедой для Иванныча. Приезжая, выпив, Серега ещё и говорил отцу: «Ты если б в городе жил да зарабатывал, и машина у тебя б была уже»

Были случаи, когда Серега подводил отца. Иванныч думал: «Что за натура? Ей-богу, вольтанутый какой-то. Может, я в чем виноват? Да нет вроде... Всё время со мной парень был»

По сравнению с общей бедой, когда твоё дело жизни оказывается ненужным сыну, сам отъезд Сереги был пустяком и почти не огорчал Иванныча.

Так развивается всё повествование: теряющий силы, одинокий Иванныч поднимает всё выше и выше сруб бани, вспоминая о сыне, о том времени, когда ещё сын жил с ним, как они вместе ходили на охоту, рыбалку, как ругались, но всё-таки были дружны, были одной семьей.

Действительно, Иванныч как-то прикипелся, и уже не один год прошел с отъезда Сереги. Вот он получил письмо, в котором сын просит наловить рыбы и передать через знакомого.

И сейчас эта стройка так неуклонно, но медленно приближалась к завершению. Он уже клал печку своей особой конструкции, работал уверенно, по-пустому не нагружая большое сердце.

Управился с полом, пятидесятка у него была приготовлена давно. И дверь, самая главная и ответственная часть любого дела получилась отменная. Что печка удалась, Иванныч понял сразу. Наколот самых сухих дров... Труба гудела как самолет.

Камни уже были малиново-красными. Вовремя закрыв вьюшку, он запарил в тазу пару веников и сходил домой за чистыми вещами и полотенцем. Не спеша раздевшись, он вошел в баню. Там было жарко мягким со всех сторон охватывающим жаром. С наслаждением он вымылся, попарился... потом слез с полка, сунул веник в таз и вышел на улицу.

Дело шло к осени. Он сидел на свежестроганной лавке и глядел на Енисей.

Ещё раз зашел, поддал, заметил, что настоль пара несколько не ослаб, а даже ещё как будто окреп.

Он ещё похлестался, чувствуя необыкновенную легкость во всем теле, и уже в доме лег без рубахи на диван, и так хорошо и ровно дышалось, что вздремнул.

Вспомнил жену, сына...

А в это время что-то происходило с погодой, и Иванныч уже не спал, а, тяжело дыша, лежал на диване, сжимая в кулаке таблеточную упаковку, чувствовал, что перестарался со вторым разом.

А потом настала ночь, и сжимающая давящая боль за грудиной всё нарастала. Он ещё долго лежал. А потом встал и, выйдя во двор, вдруг упал, как подкошенный, и мертвой стружкой крови ушли в землю все обиды, раздражение... И улетела к небу душа Иванныча, никогда не бывшая такой чистой, как сегодня

Это произведение и о смысле жизни.

От начала до конца повесть как бы совсем не оригинальна. Сама мысль достойного ухода человека, ухода правильного, не нова. Но у Тарковского это получилось сильно, пронзительно, и, значит, по-новому. Кроме того, в повести затронуты волнующие современного читателя проблемы.

Тарковский М. А. Стройка бани // Проза новой России т. 4. – М.: Вагриус, 2003. – С. 104-143.

Издание подготовлено по заказу Министерства культуры РФ.

